

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Редактор серии *Т. Масленникова*

Дизайн серии *С. Прохоровой*

Художественное оформление *К. Гусарева*

Д18 Данилова, Анна Васильевна.
Любовь насмерть / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-102620-2

В тихом поселке, где живут писатели и художники, убиты доктор Макс Селиванов и никому не знакомая девушка. Главный подозреваемый в убийстве — сценарист и владелец местного бара Марк. Именно он якобы обнаружил трупы. И только он знает, что на самом деле их нашла Ольга, которая два года тайно жила у доктора, а в ночь убийства прибежала прятаться к Марку.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102620-2

© Данилова А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

1

Она появилась перед дверями моего бара примерно в половине первого ночи. Я уже закрылся после того, как ушел последний посетитель, скучный и неразговорчивый писатель Аркаша Ванин, и начал прибираться, поднял уже несколько стульев на столики и стал протирать полы.

Она стучала в стеклянную дверь, зеленую от подсвеченной фонарем листвы моего сада, стучала едва слышно, редкими осторожными ударами, и я даже не сразу расслышал. В баре довольно громко звучала музыка, и я, орудуя шваброй, напевал себе что-то под нос.

Когда же я все-таки понял, что стучат, подошел к двери и увидел бледно-зеленое лицо девушки, словно оживший кадр фильма про десять негритят, — мне показалось, что голова ее покрыта тиной.

Я распахнул дверь, и первое, что мне бросилось в глаза, — это залитая кровью белая рубашка незнакомки и невероятно бледное лицо. Она была страшно напугана. Откуда она взялась в нашем

поселке, что здесь делает? Ясно было, что с ней случилась беда. Я схватил ее за руку и втащил в бар, поскольку вполне мог допустить, что она либо ранена, либо ее кто-то преследует. И запер за нею дверь.

— Что с вами случилось, сударыня? — спросил я, пытаюсь определить источник крови и вообще ее физическое состояние.

— Мне надо спрятаться.

— Да это понятно. Считайте, что уже спрятались.

Я взял ее за руку, причем скорее для того, чтобы удостовериться, что она не призрак, а вполне себе реальная девушка. Нет, я, конечно, не верю в призраки, но кто знает на самом деле, существуют они или нет. Я все-таки склонен думать, что мы ничего о потустороннем мире не знаем. Если бы их не было, то с чего бы все о них говорили, писали. И вообще я увлекся.

Девушка была живая, реальная, но очень холодная. Просто замерзла. А еще у нее зубы стучали. Вот этот звук я слышал отчетливо. Нервы, ночной холод.

Я усадил ее за столик, предварительно опустив стулья, принес ей стакан с виски, придвинул молча к ней — пусть сама решает, выпить или нет.

Она взяла тонкой бледной рукой стакан и поднесла ко рту. Зажмурившись, выпила.

У нее были длинные каштановые волосы, узкое белое лицо и большие темные глаза. Понятное дело, что волосы были растрепаны, она явно бе-

жала, да и ночная рубашка ее была снизу бурая от грязи и травы. На ногах у нее были смешные цветные калоши, какие носят садовницы. Я знаю многих жителей нашего писательского поселка, но эту девушку ни разу не видел. Скорее всего, она приехала к кому-то в гости. Возможно, этот «кто-то» ее обидел. Так подумал я, потому что ничего другого мне в голову тогда не пришло. Наш поселок небольшой, часть его расположена на ровной местности и очень хорошо проглядывается, и там живут в основном «аборигены», как я их называю, то есть коренные жители, преимущественно фермеры, да работники железной дороги. Писательская же братия и художники проживают в лесистой части, можно сказать, в лесу. Высокие ели едва скрывают один коттедж от другого. Но поскольку мой дом находится тоже в лесу, и бар я открыл, чтобы поить и кормить своих прозаиков и поэтов, потому что «аборигены» пьют водку в маленьком ресторанчике на берегу озера, а это далеко от нас, то я и решил, что эта девушка все-таки имеет отношение к «нашим».

— Что с вами случилось?

— Доктора убили, — сказала она, уставившись в одну точку.

— Доктора Селиванова? — В последнее время я общался лишь с одним доктором, он был постоянным посетителем бара, и я очень ему симпатизировал. При слове «доктор» я представил себе именно его лицо — милое, бородатое, с лучистыми веселыми глазами. — Макса, что ли?

— Да, — сказала она, поджав губы.

— Когда?

— Думаю, примерно час тому назад. Я уже легла, как вдруг услышала какие-то голоса, крик... Точнее, все не так. Сначала я услышала шум, крик, затем звук, похожий на выстрел. Затем еще один. Это потом уже более отчетливо услышала крик... женский... Или же одновременно, я не могу точно сказать... Потом закричал Макс... Я выглянула в окно, там горел фонарь, мощный такой фонарь, и я увидела там, на дороге, ведущей к дому, какое-то белое пятно. Я вышла на крыльцо и позвала Макса, но он не отвечал. Тогда я пошла к этому пятну. Это была девушка в белом свитере и джинсах. Совсем молодая. Она лежала на обочине дороги, в траве. Ее убили выстрелом в сердце, там вот такущее красное пятно на свитере. А рядом, я потом уже заметила, лежал Макс. И он тоже не дышал. Его тоже убили.

— Но я ничего не слышал. Дом доктора Селиванова не так далеко от меня. — Я очень хотел, чтобы доктор был жив. Пусть лучше девушка окажется сумасшедшей.

— Это как в кино. — Она подняла на меня глаза с расширенными зрачками и усмехнулась, как бы понимая, что я не желаю ей верить. — Возможно, днем я бы и не услышала его, но ночью он прозвучал особенно четко. Я же проснулась.

Она сделала еще один глоток виски и откинулась на спинку стула.

— Если вы не поможете мне, то меня арестуют, решат, будто это я его убила.

— А вы кто?

— Да в том-то и дело, что я — никто. И это продолжается уже два года.

Я ничего не понимал.

— Назовите хотя бы свое имя.

— Оля.

— Давайте поступим так. Я отведу вас сейчас в комнату и уложу в постель. А утром, когда вы проснетесь и окончательно придете в себя, мы и поговорим.

— Вы не сдадите меня? Я же никого не убивала. — Голос ее поплыл от слез. Ей так хотелось верить.

— Нет, не сдам. Не выдам.

— Вы можете сами пойти туда и убедиться, что я не сумасшедшая, что не придумала все это. Или что мне это не приснилось. Ну и вызовите полицию, что же делать?

Она встала и, запрокинув голову, словно для того, чтобы виски точно попало в горло, допила его. Вздохнула.

— Я дам вам и одежду. Свою рубашку или пижаму, что хотите.

— Да мне как-то все равно. Просто холодно.

Ее одежду, выпачканную в крови, я сжег в камине.

Я дал ей свой свитер и уложил наверху, в маленькой спальне, которую использовал как комнату для гостей. Она, как ребенок, молча подчи-

нилась, легла, закрыв глаза и подложив под щеку ладони. Я выключил лампу, вышел из спальни и подумал, что и эта сцена могла бы быть фрагментом моего сна. Однако, спустившись в бар, я взял фонарь и вышел из дома, отправился в сторону дома доктора Селиванова. Макс Селиванов, доктор-терапевт, купил коттедж в нашем поселке у одного спившегося нашего товарища Миши Аронова, своего приятеля, за сущие копейки и был счастлив от покупки. Сначала он наведывался сюда лишь на выходные, а после, выгодно вложив свои деньги в какой-то строительный проект, позволил себе в свои пятьдесят с хвостиком бросить практику и всерьез увлечься живописью, в связи с чем окончательно переехал в поселок. Встретили его у нас почти с нежностью — да и как не радоваться, если под боком теперь был человек, который в любую минуту мог спасти от запоя, извлечь занозу, промыть желудок, дать таблетки или микстуру от кашля, перевязать рану или просто выпить за компанию. Доктор Селиванов был спокойным улыбчивым человеком, вполне себе довольным жизнью, и производил очень приятное впечатление. Поговаривали, что у него в Москве осталась квартира, которую он сдавал каким-то американским журналистам, и молодая любовница, к которой он время от времени ездил. Но в мой бар он приходил неизменно один, садился возле кадки с пальмой и заказывал либо водку с малосольной селедкой, либо виски, к которому я неизменно подавал ему блюдо с засахаренным

лимоном. Он был очень милым, приятным человеком, любил живопись и часами пропадал в мастерских наших художников, завел себе друзей, работами которых искренне восхищался, подружился с натурщицами. Свои же работы показывал редко и ужасно стеснялся, когда его хвалили. Он осваивал венецианскую акварельную технику и время от времени, когда мы оставались с ним вдвоем, рассказывал, какое удовольствие он получает, глядя, как умно и красиво растекается вода, как ему удается получать нежные цветочные растяжки.

И поэтому, когда я шагал по аллее между мерцающими малиновым блеском еловыми стволами, уходящими верхушками к мглистому зеленоватосинему небу, по направлению к его дому, мне не верилось, что его больше нет в живых. Я почему-то был уверен, что, постучавшись к нему, тотчас услышу шаги за дверью, а потом и увижу его пусть и заспанное, но все равно милое, подсвеченное радостью лицо.

Рядом с каждым коттеджем, а их было пятнадцать, горели мощные фонари, и лишь небольшие участки аллей оказывались в полной темноте. Я шел, вдыхая сырой лесной запах и чувствуя себя совсем маленьким среди высоченных елей. Почему-то подумалось тогда, что жизнь наша чрезвычайно хрупка. Что у нас нет ни плотной чешуйчатой кожи, которая могла бы нас защитить от холода и ран, ни мощных когтей, ни клыков. Удивительно, как мы вообще доживаем до старости.

Оставалось примерно метров двадцать до освещенного домика доктора, когда я увидел светлое пятно на аллее. Остановился. Не хотелось дальше идти.

...Девушка в белом свитере с большим пятном крови в области сердца действительно реально существовала. Она была мертва и лежала на обочине аллеи. И неподалеку от нее я нашел тело доктора Селиванова. Признаюсь, я даже ущипнул себя, все еще не веря, что это происходит в действительности. Уж слишком тихо и мирно мы все в этом поселке жили и особых тревог не испытывали. Как-то так случилось, что здесь собрались исключительно зрелые люди, в основной своей массе состоявшиеся, признанные. Во всяком случае, все неплохо продавали свои картины и романы, и денег хватало иногда не на одну, а на две семьи (над этой мужской особенностью мы сами часто подшучивали). Конечно, у каждого имелись проблемы, время от времени уходили из жизни близкие люди, но все это воспринималось как естественное движение жизни, его логический итог.

А вот убийство Селиванова — это противоестественная смерть. Это трагедия, о которой, я был в этом уверен, еще долго будут говорить.

Подумал ли я тогда, что меня самого могут обвинить в убийстве доктора? Конечно же, нет. Однако перед тем, как позвонить в полицию, я спросил сам себя, как я объясню тот факт, что нашел здесь трупы? Что сам-то я делал в такую пору

возле его дома? Просто прогуливался? Именно по той аллее, где и было совершено убийство? Нет, надо было подумать.

...Полицейские приехали через сорок минут. К этому времени я уже собрал вокруг места преступления всех соседей, я не мог им не позвонить. Все понимали, что к самому месту преступления приближаться нельзя. Кто в чем вышел из дома — в пижаме, в халате, в спортивных штанах, а кто и в старом пальто. И всем в эту летнюю ночь было холодно. И страшно. Никто не понимал, кто и за что мог убить хорошего человека. Никто не знал в лицо и убитую девушку, я, пока дожидался полицию, успел сделать снимок на телефон, чтобы потом показать, кому нужно.

— Следователь Ракитин. Что вы сами делали здесь в этот час? — спросил меня человек с зашпанным лицом. От него несло перегаром.

— Шел к нему за снотворным, — солгал я довольно уверенно, потому что на прошлой неделе действительно никак не мог уснуть и примерно в это же время, закрыв бар, отправился к Селиванову за снотворным.

Я понимал, что меня будут допрашивать, как и всех остальных, кто жил рядом и был знаком с доктором. Но мне нечего было скрывать, я уже знал, что расскажу им я и что скажут о докторе другие. Он был прекрасным человеком, и кто и за что его мог убить — трудно даже предположить! Таких людей не убивают! Хотя, конечно, никто ничего не знал о его прошлом, где он работал, что делал.

Может, совершил ошибку, и по его вине кто-то умер. Предполагать можно было сколько угодно.

Машин понаехало много, в лесу и вдоль аллеи поставили мощные прожекторы — искали орудие убийства, пистолет, но, судя по всему, ничего не нашли. Я видел, как эксперты делали слепок автомобильного следа, оставленного на обочине, но не особо-то верил, что он принадлежит машине убийцы.

Я внимательно рассматривал лица своих друзей и знакомых, поскольку вполне допускал, что кто-то из них лжет или просто недоговаривает. Может, и видел кто девушку, да не собирался признаваться в этом. И еще одно странное чувство охватило меня той ночью, когда я вдруг подумал, что я особенно-то хорошо никого из поселка и не знаю. Особой дружбы у меня ни с кем из них пока не сложилось, хотя в основном все посетители моего бара были людьми приятными и интересными. Но я принадлежу к тому числу индивидов, которые считают, что настоящая дружба все-таки проверяется временем, а не количеством выпитого в твоём присутствии алкоголя. Возможно, случаются и такие редкие случаи сближения людей за короткий срок, если они, предположим, попали в какую-то сложную ситуацию, где каждый показал себя настолько полно и так проявил себя с лучшей стороны, что этот случай просто не мог не вылиться в настоящую дружбу. Но что особенного могло случиться в моем баре, чтобы и со мной произошло такое? Об этом я подумал как раз той

ночью, когда все мои приятели стояли в лесу в своих пижамах и халатах с растерянными физиономиями, потрясенные смертью одного из нас. О чем думал каждый, хотелось бы мне тогда знать. Мне стыдно признаться, но, глядя на них, я вполне себе допустил, что убийца, возможно, находится здесь же, рядом с нами, содрогаясь от холода и нервного озноба. И мысленно уже рисует тюремную решетку, которая отделит его благополучное и спокойное прошлое от страшного будущего. Но что, что же могло заставить этого человека убить нашего доктора? За что? Все, я полагаю, задавались точно таким же вопросом, и, вернувшись домой, каждый их нас продолжал думать об этом, недоумевать и испытывать неприятное чувство страха, предполагая, что на месте доктора, кто знает, мог бы оказаться один из нас. Что, если это просто маньяк, больной человек, одержимый какими-то своими странными идеями или желаниями, увидевший в докторе Селиванове смертельного врага? Но если так, то при чем здесь эта убитая девушка? Какое она имеет отношение к доктору?

Я вернулся к себе под утро, продрогший, уставший от бессмысленности всего того действия, которое мне пришлось пережить, отвечая на идиотские вопросы следователя. Я-то знал, что не убивал, а потому если поначалу отвечал вежливо и подробно, то потом уже и не скрывал своего раздражения. Но, с другой стороны, разве не чувствовал я угрызения совести, глядя на распростертое тело доктора, зная, что укрыл в своем доме девушку,